

ИСТОРИЯ ГУВЕРНЕРСТВА В РОССИИ¹

В последнее время стала складываться тенденция к индивидуализации обучения. Но недаром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. На рубеже эпох мы обращаемся к опыту прошлого, возвращаем старые традиции. В этой статье мы попробуем проследить историю гувернерства в России — как русского, так и иностранного.

В переводе с французского «гувернер» означает «воспитатель детей». Толковый словарь русского языка так объясняет значение слова «гувернантка»: «воспитательница детей, приглашаемая в семью, чаще иностранка».

Как же была организована работа гувернеров в дореволюционной России? Начнем с Древней Руси. Традиции церковного воспитания не предусматривали участия гувернеров, а уж тем более иностранных, в домашнем взращивании детей. Это и неудивительно, ведь сословие воспитателей отсутствовало как таковое. Священники в школе и приставленные к детям «дядьки» и «няньки» в семье ставили перед собой лишь «душеспасительную» задачу, отодвигая воспитание и образование на второй план.

Домашние воспитатели того времени не имели какого-либо специального образования. Занятие воспитанием не было их основной профессией, обычно они совмещали его с какой-нибудь другой деятельностью — духовной, земледельческой и т.д. Все они имели тесную связь с духовенством.

Таким образом, внешкольное образование наших предков до Петра носило тот же характер, что и школьное, т.е. было церковным. Основой всех дополнительных знаний служили библейско-апокрифические сказания, к ним в конце концов все сводилось. Но с течением времени ситуация меняется. С вступлением на престол Петра I государство начинает более серьезно заботиться об образовании.

Стоит отметить, что указом Петра от 1725 г. «повелено было учить в академии геометрии и тригонометрии всякаго звания людей, кто пожелает, во всякия потребы — в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство». Однако с учреждением академии запрещалось учиться дома без разрешения блюстителя и учителей академии греческому, польскому, латинскому и другим иностранным языкам. Держать домашних учителей и обучать детей где-либо, кроме как в академии, власти запрещали из опасения, как бы домашние учителя, особенно иностранные

¹ Материал подготовлен Bonne International Ltd
<http://www.bonne-int.com/index.php?lang=ru&cont=history>

и иноверные, не внесли «какой-либо противности вере нашей православной», чтобы в обществе не возникло разногласия. Виновные в нарушении этого приказа подвергались конфискации имущества.

Постепенно отношение к домашним воспитателям меняется. Перейдем к либеральной екатерининской эпохе, сменившей жесткое реформаторство Петра. В этот период широкое распространение в дворянских семьях получило домашнее воспитание с помощью учителей, гувернеров и гувернанток, приглашавшихся для обучения несовершеннолетних детей. Оценка роли домашнего воспитания и важности его вполне соответствует духу екатерининской эпохи: «Первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника, смотрению его вверенного, и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды об нем и старания. Внутренняя склонность всегда готова раскрыться в нас; надобно токмо удачно тронуть ее». Причем индивидуальность, пишет наставник екатерининской эпохи, присуща не только лицам, но и народам. В нагрузке на ум и на память следует придерживаться разумной середины. Важнейшая тренировка памяти — изучение языков (протест против принципиального невежества эпохи). Ум обогащается прежде всего историей. Но кроме рассудка и памяти есть еще и воображение, и его также нужно развивать: «История натуры для детей гораздо полезнее, нежели как обыкновенно думают. Молодые люди то скорее понимают, что ближе к чувствам и более действует на воображение».

Об домашнем воспитании в государственных указах той эпохи можно прочесть следующее: «...иметь из чужестранцев и россиян, знающих иностранные языки, надзирателей. Они, живучи с ними <детьми> в одних покоях и будучи всегда при них неотлучно, собственным примером, ежечасным напоминанием и благоразумными советами при всех случаях стараются вкоренить в них благонравное поведение, практически приобщают их к разговорам на иностранных языках, делают с ними каждый день повторения уроков и руководствуют их в изучении всего того, что задается им от учителей».

В то же время был выпущен указ, предписывающий гувернерам и учителям-иностранцам иметь аттестаты Академии наук или Московского университета (с 1804 г. аттестаты выдавали также гимназии). Не имеющим аттестатов грозила высылка из страны, а их хозяевам — штраф в 100 рублей, очень немалые по тем временам деньги. От экзаменов освобождались лишь выпускники университетов и духовных академий, а также девушки, окончившие учебные заведения по ведомству Министерства народного просвещения.

В те далекие годы гувернанток готовили специально, причем с самого детства. Для женщин с пытливым умом и добрым сердцем, вынужденных зарабатывать себе на жизнь, эта была, быть может, единственно возможный источник существования. Однако стоит сказать, что источник этот был вполне «хлебным». Дворянство той эпохи щедро оплачивало труды гувернеров — как правило, «привозных». Ш. Массон, воспитатель в семье Салтыковых, в своих записках

сообщает о весьма внушительных гонорарах, полученных за воспитание знатных молодых людей: «Господин Брюкнер получил тридцать пять тысяч рублей за четырнадцать лет, посвященных воспитанию молодых князей Куракиных, а Гранмон — двадцать пять за воспитание князей Долгоруких». Другой пример: исследователь творчества М.Ю. Лермонтова Висковатов отмечает, что англичанин Виндсон, бывший гувернером в семье Уваровых и потом поступивший к М.Ю. Лермонтову, имел жалованье в 3000 рублей годовых и отдельный флигель для себя и жены.

Все домашние воспитатели, учителя, наставники были объявлены служащими Министерства народного просвещения. При этом звание наставника считалось более высоким, чем статус гувернера. Гувернеры могли пройти дополнительные испытания и получить звание наставника. Оно приравнивалось к должности старшего преподавателя гимназии, учитывалась выслуга лет, что давало право на повышение оплаты труда. С 1853 г. наставники и гувернеры стали получать пенсии, хотя и довольно мизерные.

Специально для подготовки гувернанток был основан Институт благородных девиц, более известный нынешнему поколению как Смольный. Женская семинария (Смольный институт) содержалась на средства императрицы. Девушек обучали истории, географии, русскому, французскому, английскому, итальянскому, немецкому языкам, а также музыке и рисованию. Девушки из средних слоев учились также кулинарному искусству (печь пироги, сбивать масло и т.д.).

Литература и кинематограф донесли до нас образ типичной гувернантки того времени — изящной и образованной, доброй и беззащитной бесприданницы, которую пытается соблазнить хозяин и обижает истеричная хозяйка. У А.С. Пушкина читаем: «Гувернантки были сноснее гувернеров: они были женщины добрые, искренно любившие своих питомцев». Часто гувернантки относились к своим воспитанникам теплее и лучше, чем их родители, здесь проявлялась потребность одиноких женщин в любви и заботе о детях. Рассказы о тяжелой судьбе гувернанток занимают большое место в мемуарной и особенно художественной литературе. Вспомним хотя бы рассказ А.П. Чехова «Переполох» с описанием того, как гувернантку напрасно заподозрили в краже брошки, что ее безмерно оскорбило.

Чему же и как учили гувернеры и гувернантки, наставники и наставницы порученных им питомцев? Из сочинений русских классиков нам хорошо известна та важная — если не определяющая — роль, которую учителя-иностранцы, и прежде всего французы, играли в домашнем образовании дворянских детей в России XVIII–XIX вв. Вместе с тем именно художественная литература сформировала в общественном сознании крайне одностороннее представление о данном феномене. Хотя фигура француза-гувернера неоднократно присутствует в произведениях русских писателей, обычно это второстепенный персонаж, лишенный ярко выраженной индивидуальности и обрисованный — нет, скорее обозначенный — несколькими беглыми стереотипными штрихами. О том, как в действительности

обстояло дело, мы, к сожалению, мало что можем узнать из научных трудов.

Детям старались дать домашнее воспитание, поэтому обеспеченные родители отыскивали не просто человека, располагавшего кое-какими знаниями, а опытного педагога. Первоначально среди домашних воспитателей доминировали французы и немцы. Прежде всего они пытались изолировать своих питомцев от внешнего мира. Эта тенденция была типична для педагогов XVIII–XIX вв. Она проявлялась как в превалировании закрытых учебных заведений, так и в попытках (не всегда удачных) создать безукоризненную атмосферу для воспитания в семьях, чтобы ничто не мешало осуществить некую педагогическую методику. Несмотря на несомненные пороки, идея частичной обособленности детей от общества представляется довольно разумной. Ведь ребенок, оказываясь в мире взрослых, в мире малопонятных ему фактов и разговоров, либо берется подражать, норовя стать маленьким взрослым и тем самым теряя свою личность, либо составляет себе абсолютно ложное суждение о мире взрослых. Включать детей в мир взрослых следует исподволь и очень осмотрительно.

Основное, чему стремились выучить своих питомцев гувернеры, — это умение трудиться. Они старались сделать так, чтобы их воспитанники «не покрыли паутиной лени свои от природы светлые головушки», чтобы из ребенка не получился «больфан» вроде главного героя «Недоросля». Гувернеры почти всегда много внимания уделяли физическому развитию своих питомцев. Но не столько для того, чтобы укрепить их здоровье, сколько с целью приучить терпеливо переносить трудности.

Конец XVIII в. — период интенсивного развития естествознания. В России изучением «естественной истории» активно занимались не только профессиональные ученые, но и многие представители высшей аристократии. Гувернеры принимали самое деятельное участие в этих изысканиях. Находясь в переписке с зарубежными учеными и поддерживая тесные связи с российскими естествоиспытателями, они выполняли функцию одного из каналов популяризации в русском обществе передовых достижений западноевропейской науки.

Здесь нельзя не упомянуть о прекрасном. Большую часть иностранных гувернеров составляли образованнейшие люди, нередко знатного происхождения. Далеко ходить не надо — кто развил у А.С. Пушкина любовь к искусству, а именно к рисованию? Да не кто иной, как его первый гувернер! Известно, что еще задолго до поступления в Царскосельский лицей, где преподавалась живопись, к этому искусству интерес у ребенка пробудил французский эмигрант граф Монфор. Он был очень образованным человеком, хорошим музыкантом и живописцем. О нем великий поэт написал: «Не могу ставить на одну доску с этими чудаками <гувернерами> воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного ... Воспитывать и обучать французскому

языку взялся сам граф Монфор. Этот француз любил рисовать, был музыкантом». И здесь же: «Мы с Монфором обошли всю Москву. Я знал ее вдоль и поперек: Кремль, набережная, Каменный мост, памятник Минину и Пожарскому, Воспитательный дом, Петровский театр, Университет».

У Михаила Юрьевича Лермонтова также был гувернер. Его звали Жан Капе. Это был французский офицер, раненный во время отступления наполеоновской армии, попавший в плен и выхоженный добрыми людьми. Жан Капе говорил с маленьким Лермонтовым по-французски, няня — по-немецки, и мальчик свободно разговаривал на этих языках с раннего детства. А через несколько лет Россия читала «На смерть поэта». Это было рождение еще одного русского классика.

В.О. Ключевский полагал необходимым проводить различие между французами-гувернерами первого «привоза», случившегося в царствование Елизаветы, и второго — при Екатерине II. Первые, по мнению Ключевского, «были очень немудреные педагоги». Вторые, по его словам, существенно отличались в лучшую сторону: «Некоторые из них, стоя на высоте своего призвания, знакомы были с последними словами тогдашней французской литературы и даже принадлежали к крайнему течению тогдашнего политического движения». К числу последних историк относил наставника великого князя Александра Лагарпа. Граф Строганов, видный деятель в начале царствования Александра I, воспитан был французом Роммом. Дети Салтыкова воспитывались под руководством брата революционера Марата. Даламбер едва не сделался воспитателем наследника русского престола. «Такими высокими средствами образования, как образованные гувернеры, пользовалось только высшее дворянство, но и читающая дворянская масса не лишена была средств усвоить новые идеи», — пишет В.О. Ключевский. Французский посол граф Сегюр писал, что по своему образованию и культуре блестящая российская аристократия ни в чем не уступает наиболее просвещенным людям Западной Европы. Ф. Тастевен, исследовавший жизнь французской колонии в Москве, пришел к выводу, что иностранные наставники вовсе не были дезертирами, ворами и мошенниками, но отличались высоким уровнем образования.

В завершение исторического экскурса скажем, что в послереволюционное время к факторам, снижавшим интерес исследователей к изучению домашнего образования в царской России, добавился еще и классовый подход. Придерживаясь его, советские историки педагогики сознательно акцентировали внимание на тех формах образования, которые были доступны «трудящимся классам», и на проектах внесловной школы. Качеству домашнего обучения дворянских детей дается однозначно негативная оценка: «Среди учителей-иностранцев появляется много случайных людей, не имеющих необходимого образования и опыта в обучении и воспитании детей. Даже дворянские правительства, сами зараженные преклонением перед иностранщиной, вынуждены были обращать внимание на это».

За постсоветское десятилетие новых исследований по данной теме не появилось. Авторы же учебной литературы по истории педагогики либо по-прежнему обходят молчанием вопрос о роли иностранных учителей, либо некритически повторяют традиционно негативные оценки их деятельности. Что же дали России иностранные губернёры? Как можно в целом оценить их вклад в историю русской педагогики?

Во-первых, под влиянием губернёр в России появилось несколько поколений аристократов, которые фактически были билингвами — воспринимали и использовали как родной язык не только русский, но и французский, а кроме того, как правило, английский или немецкий. В отличие от русской элиты советской эпохи (в силу печальной беспомощности в области иностранных языков коммунистическую номенклатуру вообще очень трудно называть «элитой»), русская аристократическая интеллигенция позапрошлого века получала с детства возможность следить за новинками западной европейской мысли в первоисточниках, активно и на равных общаться с иностранцами на любом уровне. Не в этом ли кроются секреты высоких достижений русской классической литературы, русской науки, медицины, техники в дореволюционную эпоху? И не в культурной ли изоляции от передовых стран заключается одна из причин застоя и отставания советской России в последние десятилетия XX века?

Но иностранные губернёры дали русским воспитанникам не только языки как предпосылку свободы в общении и чтении иностранной литературы. Иностранные губернёры — это еще и уроки хороших манер. В результате дети — воспитанники губернёр — сизмальства усваивали определенные навыки этикета, приучались выражать эмоции в формах, приемлемых для окружающих. В наше время мы страдаем от хамства наших соотечественников — этаких самодовольных невежд. Возможно, настало время задуматься о том, чтобы возродить в России институт иностранных губернёр.

Литература

1. *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики // Педагогика. 1993. № 1.
2. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973.
3. *Сычев-Михайлов М. В.* Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960.